

ловеке, если только не вру. Дай Бог мне теперь не врать и себя не хвалить. Потому мыслю об этом человеке, что *я сам такой человек*" (14; 99; курсив мой. – И.Е.). Отождествляя себя с мифологическим героем стихотворения ("троглодитом"), Дмитрий недвусмысленно показывает, что его самого нужно рассматривать как своего рода мифологического героя, который, по закону функционирования мифа, в конкретно-индивидуальной форме выражает некую универсальную истину о любом человеке.

Констатировав униженность "первичного" человека, присутствующего в каждом из нас, Дмитрий дает намек на то, как можно ее преодолеть (в стихотворении Шиллера это требование, которое Церера обращает к человеку):

"Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек" (14; 99).

Дмитрий тут же отвергает буквальный смысл упомянутого союза: "Но только вот в чем дело: как я вступлю в союз с землею навек? Я не целую землю, не взрезаю ей грудь; что ж мне, мужиком сделаться аль пастушком?" (14; 99). Здесь перед нами снова сложный символ, смысл которого не лежит на поверхности.

"Подняться" человеку оказывается особенно трудно потому, что он внутри себя не является цельным; Дмитрий в лаконичной метафорической форме воспроизводит ту диалектическую модель человека, которая является одним из важнейших итогов размышлений Достоевского над тайной человека и которая может быть без труда проиллюстрирована на любом из главных героев "Братьев Карамазовых". "Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакает Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын Господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть" (14; 99). Отметим здесь чрезвычайно важные мотивы: говоря "Бог мой", он признает Бога *внутренней силой* своей души, при этом "*в то же самое время*" там присутствует и дьявол. Такое понимание Бога и дьявола – как *собственных начал* человеческой личности – многократно повторяется в романе. Пожалуй, самый яркий пример – история "таинственного посетителя", про которую рассказывает Зосима, вспоминая свою молодость. Этот "таинственный посетитель" сначала признался Зосиме в убийстве, затем решил убить его, чтобы никто не знал о его преступлении. Позже он так описывает то, что происходило в его душе: "Я только тебя ненавижу и отомстить тебе жалал из всех сил за все. Но *Господь мой поборол диавола в моем сердце*. Знай, однако, что никогда ты не был ближе от смерти" (14; 283; курсив мой. – И.Е.).

Однако в том мифе о человеке, который излагает Дмитрий, точнее, *которым он сам является*, более важным оказывается другое. Его слова "я все-таки и твой сын Господи" намекают на Иисуса Христа, развивают идею тождества каждого человека Христом как абсолютным человеком, дающим норму, образец для каждого. Но самыми главными здесь оказываются слова об *ощущении радости*, "без которой нельзя миру стоять и быть". В этих словах – кульминация исповеди Дмитрия (точнее, ее первой, идейно-философской части); после этих слов он, наконец, читает фрагмент из гимна "К радости" Шиллера:

"Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнце хаос развила
И в пространствах, звездочету
Неподвластных, разлила.

У груди благой природы
Всё, что дышит, радость пьет;
Все созданья, все народы
За собой она влечет <...>" (14; 99).